

## ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КАК ПЕРЕХОДНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ОТ РОДОПЛЕМЕННОГО СТРОЯ К РАННЕФЕОДАЛЬНОМУ

(НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

А. И. Неусыхин

В процессе исторического развития смена общественных формаций совершается через революционный скачок, который в новое время — в частности, при переходе от феодализма к капитализму — получает свое выражение в социальной и политической революции. Однако подобным скачкам всегда предшествуют более или менее длительные переходные периоды; в течение этих периодов накапливаются те изменения и появляются те противоречия данной общественной формации, которые и приводят к тому или иному революционному скачку. Во время таких переходных периодов многие существенные черты общественного строя предшествующей формации уже перерождаются, начинают изживаться или вовсе отмирают, и вместе с тем нарождаются элементы последующей формации. Однако так как первые еще достаточно живучи, а вторые еще не успели восторжествовать и существуют пока лишь в виде — зачастую противоречивых — тенденций развития, которое к тому же протекает неравномерно и с различной быстротой в разных сферах жизни общества, то в каждый из переходных периодов возникает весьма своеобразное и сложное переплетение структурных элементов предшествующей и последующей социально-экономических формаций. Это переплетение приводит к тому, что в течение переходных периодов элементы старого и нового *временно синтезируются* в виде особой общественной структуры с присущими ей закономерностями развития. Но такие структуры не являются отдельными формациями именно потому, что основной принцип движения (а в классовых общественных формациях — основной социальный антагонизм) в них не выражен с достаточной отчетливостью. Это и означает, что перед нами переход от одной формации к другой. Наличие таких переходов неизбежно, ибо они являются как бы той промежуточной стадией, на которой происходит генезис новой общественной формации. Но столь же неизбежна и некоторая неустойчивость общественного строя переходных периодов (независимо от степени длительности того или иного конкретного периода). Однако эта неустойчивость и делает их особенно удобным объектом для изучения как генезиса новой общественной формации, так и разложения старой. Ибо они являются как бы своеобразными лабораториями исторического процесса, в которых элементы уходящей формации переплавляются в элементы другой, потому их рассмотрение помогает вскрыть основные тенденции развития<sup>1</sup>. Один из таких переходных периодов предшество-

<sup>1</sup> Недаром проблема, составляющая задачу изучения того Научного совета при Отделении истории АН СССР, на заседании секции которого («Генезис и развитие феодализма») автором был сделан доклад, публикуемый здесь в дополненном и переработанном виде, определяется следующим образом: «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой».

вал генезису феодальной общественной формации у германских племен Западной Европы и в этом смысле может быть обозначен как дофеодальный период».

Основная особенность его общественной структуры заключается в том, что, с одной стороны, в ней еще отсутствует деление общества на социальные слои по классовому признаку, то есть по признаку различного отношения этих социальных групп к собственности на условия производства, а с другой стороны, эта структура уже не имеет признаков первобытнообщинного строя, то есть коллективного ведения хозяйства и распределения продуктов. Будучи *общинным без первобытности* и заключая в себе в то же время элементы социального неравенства, этот общественный строй еще не был классово-феодальным — даже в том смысле, в каком таковым был самый ранний феодализм. Это и вынуждает нас рассматривать его как переходный период от бесклассового общества к классовому. Общественная структура, которую мы имеем здесь в виду и которая предшествовала раннефеодальной, была необходимой предпосылкой возникновения элементов феодального строя; их возникновение произошло в силу присущих ей внутренних специфических тенденций развития, которые привели к тому, что она стала носительницей генезиса этих элементов.

Специфические черты и тенденции развития этой общественной структуры можно охарактеризовать следующим образом: с одной стороны, она основана на производстве свободных и равноправных «трудящихся субъектов» (Маркс) — общинников — при отсутствии ясно выраженной классовой эксплуатации, а с другой стороны, в ней уже зарождаются черты социального неравенства. Таким образом, эта общественная структура тоже отличается противоречивостью, но это совсем иная противоречивость, чем та, которая наблюдается в феодальном (в том числе и раннефеодальном) обществе. Ибо неравенство в общественной структуре дофеодального периода выражается в делении членов племен на различные группы по таким признакам, которые свидетельствуют о том, что данная структура еще не вышла всецело из рамок доклассового общества. Эти признаки — знатность, свобода, полусвобода, отчасти идущие еще из родового строя, — отражают возникающее неравенство в среде общинников на той стадии развития самой общины<sup>2</sup>, когда она состоит из отдельных домохозяйств (семей — больших и малых), которые начинают приобретать различное положение в процессе производства, а тем самым и в жизни всего племени. Знатные (*nobilis*), свободные (*liberi, ingenui*), полусвободные (литы, альдии и др.) отличаются друг от друга, кроме того, по своей оценке; их жизнь защищена различными вергельдами за убийство членов каждой из этих групп. Деление племени на группы по признаку большей или меньшей свободы — принцип, чуждый классовому обществу, если принять во внимание позитивный характер свободы в дофеодальный период.

Если родоплеменная знать начинает складываться еще в эпоху родового строя, то в течение изучаемого нами переходного периода появляется дифференциация в среде самих свободных; вначале она заключалась главным образом в имущественном расслоении, а впоследствии стала приобретать черты социального неравенства, которое, однако, еще не превратилось в классовое. Социальное неравенство в среде свободных выразилось в их делении на разные группы в зависимости от степени родовитости — иногда с различными вергельдами для членов каждой группы. Тем самым зарождается многозначность самой свободы, ее градуированность и дифференцированность.

<sup>2</sup> О разных этапах развития общины у германских племен раннего средневековья см. подробнее ниже.

Следовательно, сама общественная структура дофеодального периода проходит, в свою очередь, различные этапы развития. Но основную массу племени в ней все еще продолжает составлять широкий слой свободных, из которого, несмотря даже на социальную дифференцию, не выделяется какая-либо группа, господствующая над остальными группами в пределах того же слоя. С другой стороны, и родовая знать не превратилась в особый класс, эксплуатирующий свободных, точно так же, как эти последние не живут только за счет эксплуатации полусвободных и рабов. Свободные соплеменники обрабатывают своим собственным трудом земельные участки, составляющие владения отдельных домохозяев, входящих в состав общины, а рабский и зависимый труд играет в их хозяйстве лишь подсобную роль. Владельческие права каждого домохозяйства, то есть каждого свободного члена племени, ограничены лишь верховенством общины, так как в дофеодальном обществе не существует монополярная собственность на землю.

Сама община тоже проходит разные стадии развития. Мы считаем возможным различать, следуя в этом отношении периодизации К. Маркса<sup>3</sup>, три основных этапа эволюции общины: на первом этапе, который характерен для родоплеменного строя, общину составляет целый род, и поэтому внутри нее еще почти нет неравенства; но уже в эпоху Тацита, когда раздел занимаемой под обработку территории между членами общины производится «сообразно достоинству» (*secundum dignationem*) каждого из них<sup>4</sup>, возникает дуализм между общинной собственностью на территорию пахотной земли и парцеллярной ее обработкой каждым домохозяйством, состоящим из отдельных семей (больших, а впоследствии малых). В течение раннефеодального периода эта форма общины — по терминологии К. Маркса, «земледельческая», или «сельская», община — перерождается в соседскую, причем отмеченный дуализм становится одним из стимулов этого перерождения. Однако даже и в соседской общине, где возникает право наследования недвижимости в пределах отдельных семей (правда, ограниченное прямыми мужскими потомками), а также и возможность отчуждения движимого имущества, собственность каждого свободного общинника на обрабатываемый участок в сочетании с верховной собственностью на землю совокупности свободных данного поселения, объединенных в общину, является прочной производственной базой его свободы.

Это решающее обстоятельство придает особый характер и самой свободе, которая коренится в собственности (семейной и общинной) и заключается поэтому в полноправии. Признаки этого полноправия следующие: право каждого свободного наряду с обладанием земельным участком пользоваться альмендой (неподеленными общинными угодьями) в качестве пастбища и, кроме того, делать на ней заимки; участие каждого свободного в сельских сходах, в сотенных или окружных судебных собраниях в качестве судебных заседателей, свидетелей, присяжных; его участие в народном собрании племени; право ношения оружия. Перечисление этих признаков указывает на то, что свобода в дофеодальном обществе имеет реальное позитивное содержание и не ограничивается антитезой к несвободе раба, так как эта антитеза не играет ведущей роли в данной общественной структуре (по крайней мере на раннем этапе). Так как свободные отнюдь не являются независимыми друг от друга индивидуумами, но выступают в качестве членов не только общины, но и племени, то их права

<sup>3</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 693—694 (Черновики писем к В. И. Засулич).

<sup>4</sup> Tacitus. *Germania*, 26: «Agri pro numero cultorum ab universis vicis occupantur, quos mox [invicem] inter se secundum dignationem partiuntur».

становятся и их обязанностями. Между тем такое совмещение и частичное совпадение прав и обязанностей, которое указывает на уже наступившее их различие, отсутствовало при родовом строе. Подчеркивая, что «внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями», Ф. Энгельс приводит в качестве примера индейцев и указывает, что «для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или ее выкуп правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, что такое еда, сон, охота — право или обязанность?»<sup>5</sup>.

В противоположность этому в «варварском обществе» на стадии перехода от земледельческой общины к соседской, с одной стороны, уже проявляется представление о различии прав и обязанностей, а с другой стороны, фактически, то есть в повседневной жизни племени, каждому праву соответствует определенная обязанность (и наоборот), что позволяет говорить о наличии *совокупности прав-обязанностей*. В соответствии с этим и сама свобода каждого соплеменника, которая при родовом строе была чем-то само собою разумеющимся, начинает усиленно подчеркиваться в варварском обществе, а на более поздних стадиях его развития позитивная свобода как полноправие приобретает различные градации, сохраняется для одних членов племени в виде *полной свободы*, превращаясь для других в неполную или *ущербную свободу*. Варварские правды еще отражают в их наиболее архаических составных частях именно совокупность прав-обязанностей каждого индивидуума по отношению к общине и племени. А так как в основе этой совокупности лежит собственность (семейная и общинная), то собственность и свобода неразрывно связаны друг с другом. Это возможно потому, что в дофеодальном обществе общественное сознание еще связано с общественным бытием весьма непосредственными и тесными узами, а следовательно, правовая сфера недостаточно отчетливо выделена из породившего ее базиса: подобно тому как вместо эксплуатируемых непосредственных производителей, характерных для всякого классового общества, в дофеодальный период выступают свободные «трудящиеся субъекты», так вместо оформленного государственной властью права действует сначала обычай, который регулирует взаимоотношения между различными членами племени, рода, семьи (большой или малой) и группами таковых и передается из рода в род путем устной традиции, а впоследствии фиксируется в виде писаного обычного права. Эта фиксация обычного права происходит гораздо позднее — по инициативе усилившейся королевской власти совместно с собраниями знати, — но в значительной мере отражает старый племенной обычай. Фиксированный в виде варварских правд обычай составляет один из важнейших источников для изучения дофеодального общества: он может служить таковым именно потому, что в правдах отражена — наряду с новыми чертами общественного строя — также и указанная устная традиция, то есть совокупность архаических обычаев, прочно коренящихся в самом производственном базисе дофеодального общества на первом, наиболее раннем этапе его развития.

В процессе развития дофеодальной общественной структуры само племя подвергается значительным изменениям (так же как и община): происходит процесс сплочения мелких племен в более значительные племена. Соответственно изменяется и их социально-политический строй. Если в небольшом по размерам племени с остатками родового строя знатность заключалась лишь в более интенсивном использова-

<sup>5</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 134 («Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

нии тех прав, которые принадлежали всем свободным, а поэтому была лишь надстройкой над свободой, то с ростом сплоченности племенных знатных выделяются из массы свободных в качестве привилегированных кровнородственных групп или больших семей, имеющих право собственности на особые привилегированные владения, переходящие по наследству в пределах одного и того же слоя (ср. одаль у норвежцев, этель у фризов и др.).

Первоначально политический строй племени (например, у древних германцев эпохи Тацита) отличался значительной элементарностью: племенем управляли военные вожди и старейшины совместно с совещаниями знати и народным собранием; возникающая королевская власть была еще непрочна и неустойчива; короли избирались на народных собраниях из наиболее знатных родов племени. Несмотря на все усиливавшееся значение знати в жизни племени, королевская власть была еще выразительницей интересов всего племени в целом — и знати и простых свободных; эти последние занимались сельскохозяйственным трудом и вместе с тем участвовали как в военной защите племени, так и в военных походах. Они были и земледельцами и вместе с тем воинами. Значительная часть свободных входила в дружины, формировавшиеся частично из знати; во главе дружин стояли военные вожди. Это тот политический строй племени, который Ф. Энгельс обозначал термином «военная демократия».

На этом, первом этапе развития (I в. до н. э.—II в. н. э.) часто создавались военные союзы нескольких мелких племен<sup>6</sup>, которые пытались прочно обосноваться на какой-либо территории, но эти союзы большей частью довольно быстро распадались; из их числа можно назвать следующие: свевский военный союз Ариовиста (первая половина I в. до н. э.), союз херусков под предводительством Арминия и свевско-маркоманнский союз Маробода (оба в начале I в. н. э.), батавский союз Цивилиса во второй половине I в. н. э., маркоманнский союз второй половины II в. н. э. и др. Военные союзы древнегерманских племен приобрели устойчивость лишь после того, как на втором этапе своего развития они стали одним из путей образования новых объединенных племен сложного этнического состава. Так временные военные союзы превратились в более обширные и прочные племенные союзы, которые стали длительно занимать определенные территории и основывать на них более или менее устойчивые политические образования. Эти новые племенные союзы III, а отчасти и IV в. выступают часто (под новым или старым названием) в качестве отдельных племен, но в действительности они образовались из смещения или слияния мелких племен в одно племенное целое, хотя могли делиться на разные ветви и подразделения. К таким новым племенам относятся: франки — салические и рипуарские, алеманны, бавары, вандалы, саксы, лангобарды (представляющие собой обширный племенной союз, в который входили гепиды, часть свевских и саксонских племен, а также и негерманских племен — сарматов, болгар — обитателей Норика и Паннонии); бургунды, готы (вестготы и остготы) и др. Изменился прежде всего этнический характер этих племенных союзов III—IV вв.; возникла многосоставность и сравнительная устойчивость каждого такого этнического объединения, отчасти превосходящая процесс консолидации варварских племен, который падает в основном на конец IV в. и на V век.

Внутри этих новых объединенных племен в IV в. (например, у алеманнов, у салических франков) происходит дальнейшее усложнение их социальной структуры: растет значение труда полусвободных и несвобод-

<sup>6</sup> Об этих ранних военных союзах древних германцев см. нашу статью «Военные союзы германских племен около начала н. э.». «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. III. 1929.

ных в хозяйстве знатных членов племени (как представителей родовой знати, так и дружинников), которые становятся обладателями более обширных владений, чем простые свободные. Все большую роль начинают играть — наряду с родовой знатью — дружинники со своими вождями. Этому соответствует многовластие нескольких военных вождей, а иногда и нескольких королей в пределах одного племени, причем нередко происходит борьба этих вождей (герцогов), а иногда и отдельных королей с возникающей единоличной королевской властью (примером могут служить такие племена, как алеманны III—IV вв., салические франки в IV в. — начале V в.). Но эта борьба пока еще не приводит к преобладанию единоличной королевской власти как выразительницы интересов знати, подобно тому, как отмеченные изменения в хозяйстве и социальном положении знати пока еще не приводят к возникновению оформленных классов. Процесс возникновения классов начинается только после того, как созданные новыми объединенными племенами политические образования перерастают в ранние варварские государства. Однако это происходит позднее, лишь тогда, когда в процессе переселения народов эти новые племена окончательно захватывают целые римские провинции. Хотя и до переселения народов большинство племенных союзов на этом, втором этапе их развития и стремится к завоеванию таких территорий, это им далеко не сразу удается. Поэтому некоторые из них образуют прочные большие объединения на своей исконной родине. Примером такого племенного союза могут служить саксы, которые после набегов на берега Галлии и вторжения части их в Британию (вместе с фризами, ютами и англами) надолго укоренились между Везером и Эльбой, значительно расширив издавна занятую ими территорию.

В ходе переселения народов и варварских завоеваний завершается тот процесс консолидации племен, предпосылки которого наблюдались уже на втором этапе эволюции племенных союзов. Проявлением этого процесса было, кроме отмеченного слияния мелких племен в крупные этнические объединения, также и то, что в своем продвижении по направлению к римским провинциям эти обширные племена обрастали все новыми разрозненными племенами, частью негерманского происхождения (например, аланами, славянскими, иранскими племенами). Да и самые их передвижения преследовали теперь иные цели — не временное овладение землями, пригодными для земледелия и скотоводства, а длительное обладание целыми римскими провинциями или частями таковых. Это изменение характера передвижения новых племенных союзов, которое было обусловлено как увеличением их численного состава и усложнением их внутренней структуры, так и непрерывным кризисом разлагающейся рабовладельческой Римской империи IV—V вв., и привело в конечном итоге к образованию варварских королевств. Только после этого в их пределах начинается отчуждение земельных участков в разных его формах (наследование земли женщинами, продажа, дарение, обмен), то есть превращение бывшего общинного аллода в свободно отчуждаемую земельную собственность и тем самым *расхождение былого единства собственности и свободы*. Но все эти процессы стали развиваться лишь в ходе дальнейшего расширения варварских королевств, когда углубившаяся социальная дифференциация начинает перерастать в процесс классового образования. Только после этого происходит возникновение крупных земельных владений знати, герцогов и короля, а с распространением христианства и усилением церковных учреждений — также и рост церковного землевладения; в соответствии с этим начинается превращение части свободных общинников-аллодистов в держателей на земельных владениях крупных и мелких вотчин.

Однако самый процесс классового образования происходил в разных королевствах неравномерно, а в зависимости от этого весьма различный характер на разных ступенях его развития приобретали и зачат-

ки государственной власти. Варварское королевство раннего периода — еще не государство в смысле наличия в таком королевстве аппарата политического господства одного класса над другим, что объясняется отсутствием резко выраженного социального господства какого-либо класса внутри такого королевства. Поэтому в начальный период возникновения варварских королевств политический аппарат королевской власти или вовсе отсутствует, или еще очень слабо развит.)

При этом не следует упускать из виду, что самое понятие «государство» можно употреблять в двух разных, хотя и связанных друг с другом смыслах: для данного периода это либо 1) государство как прочно осевший в определенной области или стране племенной союз, либо 2) государство как форма политической власти одного класса или слоя над другими социальными слоями, то есть, по выражению Ф. Энгельса, как «продукт общества на известной ступени развития», на которой общество «раскололось на непримиримые противоположности»<sup>7</sup>. В первом смысле государство — это то, что мы выше назвали «политическими образованиями»; более или менее устойчивая королевская власть возникает уже в их пределах, но еще не становится выразительницей лишь господства знати, а по-прежнему продолжает отражать — наряду с интересами знати — также и общеплеменные интересы. Иногда на этой стадии зарождения государства может даже длительно сохраняться и многовластие герцогов при отсутствии единоличной королевской власти (пример — саксы VI—VIII вв., до франкского завоевания). Но и в ранних германских государствах во втором смысле этого слова — с единоличной королевской властью и начавшимся процессом классового образования — эта власть все еще носит на себе следы своего происхождения из королевской власти предыдущей стадии развития. Поэтому мы предлагаем называть эту форму государства условно «варварским государством» (в параллель к понятию «варварское общество»).

Некоторые данные из истории варварских королевств могут иллюстрировать нашу мысль и в то же время показать, что феодальные отношения развиваются в них уже после того, как племенные союзы сыграли свою историческую роль и привели к основанию варварских государств (в одних — с конца V в., в других — в VI—VII вв.). Гораздо более длительно было существование племенных союзов у тех племен, которые не расселялись на римской территории, а оставались на своей исконной родине, например, у саксов и фризов, у которых феодальные отношения сложились лишь в IX веке. Приведем примеры.

Салические франки, которые впервые упоминаются в источниках в качестве нового племени во второй половине III в. н. э., первоначально, то есть около середины IV в., занимали лишь северо-западную часть Галлии и частично Токсандрию, то есть область до нижнего течения Шельды, затем расширились до Мааса и лишь в начале V в. захватили территорию до Соммы. На протяжении V в. у них сохранялось многовластие королей и они обитали на захваченной территории в качестве федератов империи. Древнейшая редакция памятника обычного права франков — Салической Правды<sup>8</sup> — в большинстве ее глав отражает

<sup>7</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. XVI, ч. 1-я, стр. 145: «И эта сила, происшедшая из общества, но ставшая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

<sup>8</sup> О разнице различных редакций Салической Правды и о датировке разных групп рукописей этого памятника см. наши статьи «Новые данные по источниковедению Салической Правды». Очерк I. Сборник «Средние века». Вып. XVII. 1960, стр. 394—409. Очерк II. «Средние века». Вып. 21. 1962, стр. 212—237; кроме того, см. Н. П. Грацианский. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М. 1960, стр. 72—109 (в статье Н. П. Грацианского, опубликованной в книге «Салическая Правда» (русский перевод Н. П. Грацианского и А. Г. Муравьева. Казань. 1913), дается прежняя классификация рукописей Салической Правды, а в наших упомянутых выше статьях 1960—1962 гг. — новая их классификация).

общинный строй салических франков во время их пребывания в Северной Галлии до Соммы, то есть в конце IV и начале V в. (а отчасти и их общественные отношения несколько позднее, в течение V в., к северу от Луары). Основная масса племени — согласно этому памятнику — еще состоит из равноправных свободных соплеменников, лишь частично эксплуатирующих труд рабов и полусвободных литов (число рабов, по-видимому, увеличилось уже после завоеваний Хлодвига за счет римских рабов); сохраняются еще многие черты общинного строя, характерные для земледельческой общины; земельный аллод возникает лишь в виде наследования земельного участка прямыми мужскими потомками его владельца; отсутствует отчуждение недвижимости (в любой форме — завещания, продажи и дарения); большая семья из трех поколений лишь постепенно дробится на малые семьи. Кроме того, характерно наличие самоуправления в вопросах о приселении в деревню новых обитателей и в организации суда, процедура которого очень архаична. Все эти черты общинного строя сохраняются, несмотря на то, что Салическая Правда впервые зафиксирована уже после основания франкского государства, в самом конце правления Хлодвига (между 507 и 511 гг.). Значит процесс классообразования, которые еще не наблюдаются в основной части Правды, отражены в главах, внесенных в нее по инициативе королевской власти: они заключаются в особом положении королевских дружинников, получивших право поселения в любом месте по грамоте короля и защищенных повышенным тройным вергельдом.

Это указывает на то, что уже наметилась тенденция к возникновению землевладения дружинников. Однако эта тенденция, как и всякая тенденция развития вообще, пока только намечает одно из направлений общественной эволюции, то есть устремлена в будущее данного общественного строя, указывает на возможность его перерождения в другой — в данном случае раннефеодальный — строй и на возникновение его предпосылок. Их возникновение и дальнейшее развитие и приведут в конце концов к феодализму. Но *вести к чему-либо — еще не значит уже быть* тем, к чему данная тенденция ведет. Поэтому наличие отдельных земельных владений франкских дружинников еще не создает феодального землевладения, точно так же, как не создают его первые пожалования земель англосаксонскими королями дружинникам или церковным учреждениям в так называемый бокленд (иногда с предоставлением имущественных привилегий на данную территорию). Лишь когда эта и другие соответствующие ей тенденции получат преобладание и начнут преобразовывать весь общественный строй, только тогда создадутся предпосылки феодализации. Ибо для того, чтобы наличие таких привилегированных земельных владений сделалось фактом, характеризующим оформление раннефеодального строя, необходимы не отдельные случаи возникновения подобных владений, а их массовое распространение и в соответствии с этим эксплуатация зависимого населения их собственниками; другими словами, необходимо появление, с одной стороны, феодальной вотчины, с другой стороны, зависимого крестьянства. Но указания на то и другое отсутствуют как в ранних англосаксонских законах и грамотах, так и в Салической Правде. Возвращаясь к ее данным, следует подчеркнуть, что, несмотря на усиление роли дружины во франкском государстве при Хлодвиге, а также и на выборно-наследственный характер королевской власти, аппарат этой последней еще очень примитивен как в центре, так и на местах. Весьма показательно, что в древнейшей редакции Салической Правды совершенно отсутствует упоминание о католической церкви, хотя она играла большую роль в Галлии — как в качестве аккумулятора обширных земельных владений, так и в политической сфере (Хлодвиг именно в силу этого принял католичество). Итак, племенной союз франков даже при Хлодвиге (объединившем салических



и рипуарских франков) все еще находился на стадии перехода от доклассового общества к классовому. Франкское общество конца V — начала VI в. еще не феодальное и даже не раннефеодальное, а *дофеодальное* (или варварское). Другое дело галло-франкское общество, возникшее в результате постепенного сближения франков с галло-римлянами в течение VI в. и отраженное в более поздних источниках — в хронике Григория Турского конца VI в., в некоторых сборниках юридических формул конца VI — середины VII в. (в особенности в Анжерских формулах и в формулах Маркульфа), а также отчасти в поздних редакциях Салической Правды и в капитуляриях к ней<sup>9</sup>. Приблизительно к этому времени (VI—VII вв.) и относятся начало и рост феодальных отношений во франкском государстве; но эти отношения стали развиваться после того, как франкский племенной союз сыграл свою историческую роль.

Вестготы и бургунды были в течение V в. поселены в разных римских провинциях — сначала на правах военного постоя, а потом в качестве федератов. Однако в отличие от франков вестготы и бургунды уже в течение первой половины V в. утратили многие черты общественного строя, характерного для племенных союзов на последнем (третьем) этапе их существования. Как показывает самый ранний из дошедших до нас вестготских законов — памятник вестготского обычного права — фрагментарный кодекс Эйриха (около 475 г.), у них уже в конце V в. шло бурное разложение общинного строя и возникали предпосылки феодализации, и, несмотря на то, что следы и остатки старых, общинных отношений наблюдались у них еще в VI в. (как можно судить по законам Леовигильда 572—586 гг.), господствующая тенденция развития в сторону возникновения феодального строя уже дала некоторые результаты.

Приблизительно так же протекала и эволюция общественного строя бургундов, с той только разницей, что у них предпосылки феодального строя развивались несколько медленнее, чем у вестготов (эта эволюция строя бургундов отражена в их обычном праве, зафиксированном королями V в. и — вместе с законами королей конца V — начала VI в. — вошедшем в так называемый закон Гундобада). Это более быстрое, чем у франков, развитие феодальных отношений у вестготов и бургундов объясняется их тесным соприкосновением с галло-римлянами как во времена военного постоя, так и при разделах земель между ними и варварами (которых вовсе не было у салических франков), так как и то и другое приводило к образованию смешанных поселений и росту земельного и социального неравенства (франки — к северу от Луары — селились компактными массами)<sup>10</sup>.

В отличие от этого саксы представляют собой пример большого племенного союза с очень длительной устойчивостью архаических отношений, как это явствует из памятника их обычного права — Саксонской Правды — и из данных некоторых хроник IX и отчасти X века. Социальная структура саксов до франкского завоевания конца VIII — начала IX в. отражает значительное углубление социальной дифференциации между родовой знатью (эделингами), рядовыми равноправными свободными (фрилингами), полусвободными литами и рабами. Это углубление и даже заострение социальных различий между разными слоями выразилось в очень повышенном, шестикратном вергельде эделингов и

<sup>9</sup> О характере этих памятников см. нашу работу «Возникновение зависимого крестьянства, как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.». М. 1956, гл. II. Обзор источников.

<sup>10</sup> Об особенностях поселения вестготов и бургундов см. Н. П. Грацианский. О разделах земель у бургундов и вестготов. «Средние века». Вып. I. 1942 (включено в цитированный выше сборник статей Н. П. Грацианского, стр. 306—330); А. Р. Корсунский. Об условиях поселения вестготов в Южной Галлии и Испании. «Средние века». Вып. 25. 1964, стр. 21—34; А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства, как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., стр. 310—317.

в частичной личной зависимости от них некоторых фрилингов (но отнюдь не всей их массы), а также в подчиненном положении не только рабов, но и довольно многочисленных литов. Но, несмотря на это, у саксов в VIII в. еще не сложился такой слой общества, который существовал бы и вел хозяйство только за счет эксплуатации другого зависимого от него слоя, то есть основная масса фрилингов еще не превратилась в зависимых от эделингов крестьян, а следовательно, саксонское общество VIII в. еще не является классовым. Своеобразие его структуры и заключается именно в сочетании архаических элементов с обострением социальной дифференциации при отсутствии классов. И хотя Саксонская Правда зафиксирована уже после франкского завоевания (803 г.), тем не менее она рисует именно этот, в значительной мере все еще архаический, строй, а новые отношения частично отражены в саксонских капитуляриях Карла Великого<sup>11</sup>. Однако они возобладали не сразу после франкского завоевания, и начало феодализации Саксонии следует приурочить примерно к IX веку. Его последствием и явилось известное восстание фрилингов и литов (841—843 гг.), проходившее под лозунгом возврата «к старине», то есть к описанной выше социальной структуре саксов до франкского завоевания; отсюда и название восставших «Стеллинга» (что означает «сыновья древнего закона»), которое они сами дали себе. Политическая структура саксов до конца VIII в. тоже напоминает строй племенного союза на поздних этапах развития: она сохраняет многие особенности, свойственные военной демократии, с народными собраниями по округам, а может быть, и общеплеменными собраниями (данные о которых, впрочем, скудны и недостаточно ясны). Отличительной чертой политического строя саксов было отсутствие единой королевской власти (между тем как у других племен уже давно утвердилась выборно-наследственная власть королей: у франков — из рода Меровингов, а потом Каролингов, у вестготов — из рода Балтов, а у остготов — из рода Амалов). Ее отчасти заменяла власть герцогов тех четырех племен, из которых состоял саксонский племенной союз (вестфалов, остфалов, ангариев и нордальбингов). Для сплоченности саксонского племенного союза показательно упорство, с которым саксы свыше тридцати лет сопротивлялись франкскому завоеванию (несмотря на различие интересов саксонской родовой знати и простых свободных). Религия саксов до франкского завоевания представляла собой древнегерманский политеизм, и лишь в ходе завоевания в Саксонию стало проникать христианство. Однако, несмотря на насильственное крещение отдельных герцогов и их окружения, состоявшего из родовой знати, и даже на переход некоторых герцогов, например, Видукинда, после длительной борьбы на сторону Карла Великого, полная христианизация саксов, а вместе с тем и проникновение церковного землевладения в Саксонию относятся лишь к IX веку. Это упорное сопротивление всего племени саксов франкским феодалам, а также господству феодальной королевской власти Карла Великого и христианской церкви как нельзя лучше показывает дофеодальный характер саксонского племенного союза.

В результате всех изображенных выше процессов развития дофеодальная структура общества начинает превращаться в раннефеодальную: вместо широкого слоя свободных равноправных общинников возникает *класс крестьянства*, которое разными путями впадает в социально-экономическую и личную зависимость от землевладельцев, но частично еще сохраняет остатки своей аллодиальной собственности и былой свободы, а место родовой и дружинной знати занимают светские и церковные, крупные и мелкие вотчинники раннефеодального типа. С возникновением раннефеодального государства иной характер при-

<sup>11</sup> «Capitulatio de partibus Saxoniae» (между 782 и 785 гг.); «Capitulare Saxonicum anno 797».

обретает и королевская власть, отражающая теперь главным образом интересы вотчинников; постепенно отмирает народное собрание.)

Остатки дофеодальной общественной структуры в раннефеодальном обществе сохраняются особенно долго у тех племен, которые не знали глубокого синтеза их строя со строем разлагавшейся рабовладельческой формации (например, у алеманнов, англо-саксов), или там, где этот синтез вовсе не имел места (например, у саксов, фризов и скандинавов). У других племен, где синтез играл значительную роль, разложение дофеодальной общественной структуры происходило гораздо более радикально и быстро. Но дофеодальный период имел место у всех германских племен Европы, с той лишь разницей, что у одних он более отчетливо отразился в источниках, чем у других.

Если термин «дофеодальный» отличается негативностью в самом определении и с этой стороны может представлять неудобства, то, по существу, его легко заменить термином «варварское общество», разумея под ним охарактеризованную выше общественную структуру на разных этапах ее развития. Но каким бы — по необходимости условным — термином ни пользоваться, определение «дофеодальный» отнюдь *нельзя рассматривать только в хронологическом плане*. Ибо хронологически различные германские племена проходили «дофеодальный период» в разное время, иногда в течение нескольких столетий, которые далеко отстояли друг от друга. В Норвегии, например, этот период продолжался по крайней мере до середины X в. (а может быть, и до XI и XII вв.), и притом в разных частях страны его продолжительность была различна. В то время как в Восточной Норвегии он затянулся до конца XI — начала XII в. (так как еще в XI в. хольды не выделились здесь в качестве высшего слоя равноправных свободных соплеменников из общей массы таковых, то есть из массы свободных бондов), в Западной Норвегии, где разграничение хольдов и бондов в виде двух разных слоев свободных произошло раньше, уже к концу X в., в соответствии с этим и предпосылки феодализации намечаются раньше<sup>12</sup>. В Швеции дофеодальный общественный строй разложился еще позднее, может быть, на рубеже XII—XIII вв. (точное хронологическое приурочение невозможно). В Саксонии он продержался до IX в.; у англо-саксов (Кент и Уэссекс) — примерно до конца VII — начала VIII века<sup>13</sup>.

К этим хронологическим различиям присоединяется, кроме того, неравномерность развития тех или иных явлений, характерных для общественного строя дофеодального периода (а затем и раннефеодального), у одних и тех же племен и в пределах одних и тех же стран или областей. Имеем в виду разный темп развития социальной дифференциации, не всегда полностью соответствующий эволюции других сторон дофеодального общественного строя в одном и том же варварском королевстве, а именно, росту имущественной дифференциации, правовому оформлению социальных статусов разных групп, возникновению за-

<sup>12</sup> Об общественном строе Норвегии в раннее средневековье (в дофеодальный период) см. А. Я. Гуревич. Большая семья в Северо-Западной Норвегии в раннее средневековье. «Средние века». Вып. VIII. 1956; его же. Норвежская община в раннее средневековье. «Средние века». Вып. XI. 1958; его же. Норвежские бонды в XI—XII веках. «Средние века». Вып. 24. 1963; его же. Архаические формы землевладения в Юго-Западной Норвегии в VIII—X веках. «Ученые записки» Калининского педагогического института. 1962. Кафедра истории; его же. Проблемы социальной истории Норвегии в IX—XII веках. Там же. Т. 38. 1964; см. также А. G u r e v i c h. Die freien Bauern im Mittelalterlichen Norwegen. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz Arndt Universität». Jahrgang XIV. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe 2/3. 1965.

<sup>13</sup> Об англо-саксонском периоде истории средневековой Англии см. М. Н. Соколова. Свободная община и процесс закрепощения крестьян в Кенте и Уэссексе в VII—X веках. «Средние века». Вып. VI. 1955; ее же. Возникновение феодального землевладения и класса феодалов в Англии VII—X веков; «Средние века». Вып. XII. 1958; см. также нашу книгу «Возникновение зависимого крестьянства» (гл. IV).

чатков государственной власти и т. д. Например, в Саксонии до IX в. (до франкского завоевания) резкое социальное расслоение на эделингов, фрилингов и литов сочеталось с пережитками большой семьи (даже у литов), с преобладанием родовой знати над дружинной, с отсутствием единоличной королевской власти, с дроблением страны на отдельные герцогства и с известной дифференциацией внутри каждого социального слоя. Известный исследователь общественного строя саксов Линтцель<sup>14</sup>, несмотря на всю парадоксальность его общей концепции, несомненно, прав в том, что в Саксонии реальные экономические отношения не вполне соответствовали делению саксов на три социальных статуса и что в понятие эделингов могли включаться — наряду с представителями родовой знати — также и зажиточные крестьяне, а под категорией фрилингов наряду со средними и даже высшими прослойками равноправных свободных (фрилингов) современники могли подразумевать также и вольноотпущенников (но отнюдь не их одних, как ошибочно думал Гекк!)<sup>15</sup>. Линтцель идет еще дальше и допускает возможность наличия разных прослоек и среди литов. Аналогичная неравномерность развития разных сторон общественного строя дофеодального периода наблюдается и у соседних с саксами фризов, у которых свободный мог вступать в зависимость на положении лита от знатного (*nobilis*), от другого свободного или даже от лита, но в то же время мог на собственные средства и по собственной инициативе вновь выкупиться из зависимого положения и стать полноправным свободным. Примеров такой неравномерности развития разных сторон общественного строя много у всех племен дофеодального периода. Это и понятно: известная *неадекватность* (или некоторое несоответствие) *различных элементов* одной и той же общественной структуры характерна и для развитых классовых общественных формаций (в частности, особенно для феодализма); тем более неизбежна она для переходных периодов, в течение которых лишь создаются *предпосылки* будущей формации.

Начало дофеодального периода хронологически столь же трудно поддается установлению, как и его конец, с той лишь разницей, что у всех германских племен его начало хронологически совпадает с разложением родоплеменного строя. Но это разложение, исходный пункт которого относится ко времени появления земледельческой общины (вместо родовой) и к возникновению племенных союзов эпохи военной демократии, то есть примерно к I—II вв. н. э., в свою очередь, может развиваться различными темпами у разных племен (как это кратко и показано выше).  
 «Дофеодальный период» — понятие не хронологическое, а *стадиальное*. Как стадия развития он находится между родоплеменным и раннефеодальным строем. Но отсюда не следует, что всякий общественный строй, предшествовавший феодальному, является дофеодальным. В частности, таковым не может считаться рабовладельческий строй по той простой причине, что он составляет особую классовую общественную формацию. Между тем «дофеодальный период» (или варварское общество) *не является особой общественной формацией*, ибо общественные формации могут быть либо классовыми, либо бесклассовыми. Основным признаком всякой классовой формации (в том числе и феодальной) яв-

<sup>14</sup> См. M. Lintzel. Die Stände der deutschen Volksrechte, hauptsächlich der Lex Saxonum. Halle a/d Saale. 1933. Эта и другие работы того же автора по истории средневековой Саксонии собраны в книге: M. Lintzel. Ausgewählte Schriften. Bd. I. В. 1961.

<sup>15</sup> См. Ph. Н е с к. Die Gemeindefreien der karolingischen Volksrechte. Halle. 1900 (и ряд других его работ вплоть до 1939 г.). Критику концепции Гекка см. в нашей цит. выше книге (гл. IV). Критические замечания по поводу работ Линтцеля см. в дополненном немецком издании нашей книги «Die Entstehung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in West-Europa vom 6. bis 8. Jahrhundert». В. 1961. (Kapitel IV).

ляется монополярная собственность господствующего класса на средства производства (при феодализме — на землю как основное условие производства), или, иными словами, разделение непосредственных производителей со средствами производства (сюда же относится и разрыв между собственностью и свободой трудящихся, то есть возникновение держания и зависимости). Наоборот, в бесклассовой общественной формации, предшествующей «дофеодальному периоду», то есть в первобытнообщинном строе, нет ни классов, ни частной собственности на условия производства. Место непосредственных производителей классовых (в частности, феодальной) общественных формаций занимают здесь «трудящиеся субъекты». Земля является здесь базисом коллектива. «К земле люди относятся с наивной непосредственностью, как к собственности коллектива... Каждый отдельный человек выступает только как звено, как член этого коллектива...»<sup>16</sup>. Между тем в течение «дофеодального периода», с одной стороны, происходит как раз выделение собственности трудящихся индивидов из собственности коллективной и тем самым зарождение собственности отдельных семей (больших и малых) на землю (переход от родовой общины к земледельческой и от нее к соседской). Но, с другой стороны, дальнейшее развитие этой собственности и разных ее форм в пределах дофеодального периода не привело еще к ясно выраженной классовой структуре общества. В зарождении индивидуально-семейной собственности и в то же время ее неполноте вплоть до начала раннефеодального строя и заключается основной признак структуры дофеодального общества и основной принцип его диалектического развития от родоплеменного строя к феодальному. Поэтому изученный нами период можно было бы обозначить термином «протофеодальный», так как он указывает на основное направление развития в сторону генезиса феодализма, развития, начало которого происходит уже в дофеодальном, или варварском обществе. Однако, по нашему глубокому убеждению, подыскать подходящий термин для обозначения изображенного нами общественного строя не так важно, как *вскрыть его существенные черты* и показать его наличие в качестве переходного и промежуточного строя, стоящего между бесклассовым родовым и классовым раннефеодальным обществом. От бесклассового родового строя исторически возможен переход к различным типам классового общества, не только к феодализму, но и к рабовладельческой формации, как это, например, имело место в древнейшую эпоху истории античной Греции и Рима. Выяснение причин такого хода развития и разложения родового строя выходит за рамки настоящей статьи.

<sup>16</sup> К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, стр. 5—6.